

Оценка инклюзивности экономического роста России по направлениям поддержки занятости и доходов населения

О. В. Забелина , М. В. Сергеева

Всероссийский научно-исследовательский институт труда Минтруда России,
г. Москва, Россия

 Zabelina_OV@vcot.info

Аннотация. Пандемия COVID-19 коснулась всех сфер жизни общества. Из наиболее ощутимых последствий «коронакризиса» в России можно выделить снижение численности занятого населения и падение доходов населения в 2020 г. Высокая скорость распространения коронавируса определила необходимость введения оперативных мер по борьбе с COVID-19, а также поддерживающих мер, касающихся как населения, так и бизнеса. При всей масштабности и широте реализованных в 2020 г. мер государственной поддержки остро стоит вопрос о методах оценки ее эффективности. Цель исследования заключается в оценке инклюзивности экономического роста в Российской Федерации в условиях COVID-19 по направлениям государственной поддержки занятости и доходов населения. Проверяются следующие гипотезы: 1) инклюзивность экономического роста по направлениям занятости и доходов населения снизилась в условиях пандемии COVID-19; 2) меры государственной поддержки занятости и доходов населения позволили смягчить падение величины инклюзивности экономического роста. В рамках статьи предлагается новый подход к анализу эффективности мер государственной политики, базирующийся на авторском динамическом подходе к оценке инклюзивности экономического роста. Предложенный методологический подход апробируется на примере анализа эффекта мер государственной поддержки в России в условиях COVID-19 на занятость и доходы населения. Усиление финансирования государством социальной политики в 2020 г. в сравнении с моделированной величиной позволило уменьшить уровень падения инклюзивности экономического роста (на 0,16 пункта), вследствие чего данный показатель по направлениям занятости и доходов населения снизился в 2020 г. только на 0,11 пункта. Полученные результаты указывают на относительную эффективность принятых государственных мер поддержки, выраженную в смягчении вызванного пандемией падения инклюзивности экономического роста в 2020 г. Исследуемые гипотезы подтвердились. Практическая значимость данного исследования заключается в предложении нового динамического подхода к оценке инклюзивности экономического роста, который может использоваться в качестве инструмента оценки эффективности проводимой государственной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Ключевые слова: занятость; доходы населения; пандемия, COVID-19; меры поддержки; государственная поддержка; инклюзивность; инклюзивный экономический рост.

1. Введение

Эпидемия коронавируса COVID-19 в связи с высокими темпами распространения в довольно коротком интервале

приобрела некоторую системность в отношении ее влияния на национальные и мировое сообщества, затрагивая экономические, социальные, политические

процессы. Ограничение мобильности, экономической активности (и трудовой активности, в частности) со стороны правительств, несмотря на необходимость введения данных мер, существенно усугубило существующие на рынке труда проблемы и стало причиной появления новых зон риска. Принимая во внимание масштабность «удара» коронакризиса, а также роль рынка труда как основополагающей части развития экономических и социально-экономических процессов, поддержка занятости и доходов населения в условиях борьбы с пандемией представляется особенно важной.

Распространение коронавируса COVID-19 на территории Российской Федерации, как и в других странах, происходило стремительно, что требовало незамедлительного введения оперативных мер по борьбе с COVID-19, особенно на фоне расширения ареала действий «ковидного кризиса» в географическом отношении, при его растущем влиянии на все сферы жизни человека и общества.

Первые введенные меры – по ограничению движения через границу РФ – не смогли в полной мере сдержать распространение вируса, что определило необходимость расширения вводимых мер прежде всего на федеральном уровне. Так, в марте 2020 г. на всей территории России был введен режим повышенной готовности. Министерством здравоохранения РФ были даны методические рекомендации по профилактике, диагностике и лечению коронавирусной инфекции наряду с изменением порядка организации работы медицинских организаций¹, Правительством РФ

¹ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 марта 2020 г. № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения

был разработан План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции от 17 марта 2020 г.²

Данный план, помимо мер мониторинга, включал в себя также и первые оперативные меры поддержки населения и бизнеса на федеральном уровне. Список федеральных мер поддержки впоследствии был расширен, в том числе актами Правительства РФ (например, Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 г. № 723-р о выделении средств из резервного фонда Правительства России на разработку средств профилактики и диагностики новой коронавирусной инфекции), Указами Президента РФ (например, Указ Президента РФ № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» от 7 апреля 2020; Указ Президента РФ № 275 «О признании действительными некоторых документов граждан Российской Федерации» от 18 апреля 2020 г.), изменением законодательства РФ (например, Федеральный закон № 172-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 8 июня 2020 г.).

новой коронавирусной инфекции COVID-19 // «СтопКоронавирус» : [информ. портал]. 2021 / Документы Министерства здравоохранения РФ | Коронавирус COVID-19 : офиц. информация о коронавирусе в России на портале стопкоронавирус.рф (xn-80aesfpebagmfblc0a.xn – plai).

² План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции от 17 марта 2020 года // «СтопКоронавирус» : [информ. портал]. 2021 / Решения Правительства РФ | Коронавирус COVID-19: Официальная информация о коронавирусе в России на портале стопкоронавирус.рф (xn-80aesfpebagmfblc0a.xn – plai).

Принятые оперативно ограничительные меры и меры поддержки населения и бизнеса легли в основу Общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике³.

Тем не менее при всей масштабности и широте реализованных в 2020 г. мер государственной поддержки остро стоит вопрос о методах оценки ее эффективности, подкрепляемый ограниченностью часто используемого метода достижения целевых показателей. Масштабность влияния пандемии определила необходимость комплексной оценки изменений как в экономике страны в целом, так и на рынке труда в частности. Более того, традиционный подход к оценке эффективности через целевые показатели не отражает прямой связи между реализуемыми мерами и качеством жизни человека, что представляется крайне важным на фоне растущей человекоцентричности в экономике.

Статья направлена на восполнение данного пробела и предлагает к рассмотрению динамический подход к оценке инклюзивности экономического роста, апробированный на примере анализа эффекта мер государственной поддержки в Российской Федерации в условиях COVID-19 на занятость и доходы населения. Сферы занятости и доходов населения

³ Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII) № П13–60855 от 2 октября 2020 г.) // «Гарант». 2021 / Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII) № П13–60855 от 2 октября 2020 г.).

были выбраны как наиболее пострадавшие и потому наиболее показательные для оценки эффекта проводимых мер.

Целью исследования является оценка инклюзивности экономического роста в Российской Федерации в условиях COVID-19 по направлениям государственной поддержки занятости и доходов населения.

Гипотезы исследования состоят в следующем:

НО₁: инклюзивность экономического роста по направлениям занятости и доходов населения снизилась в условиях пандемии COVID-19.

НО₂: меры государственной поддержки занятости и доходов населения позволили смягчить падение величины инклюзивности экономического роста.

Данная статья отражает новый подход к анализу эффективности мер государственной политики, а также проверяет гипотезу о положительном влиянии реализуемых в России в 2020 г. мер государственной поддержки занятости и доходов населения на инклюзивность экономического роста.

Статья состоит из введения, четырех разделов, заключения и списка литературы. Во Введении определена актуальность и цель проводимого исследования. В следующем разделе представлен обзор литературы по рассматриваемой тематике. Третий раздел содержит описание методологического подхода к оценке инклюзивности экономического роста. В четвертом разделе апробируется данный подход и приводятся основные результаты исследования. В следующем разделе обсуждаются полученные результаты. В Заключении делаются основные выводы по исследованию.

2. Обзор литературы

Интерес к инклюзивному развитию и, в более узком ключе – к инклюзивной

экономике, во многом обусловлен возрастающей ролью личности в производственных процессах, особенно в условиях становления креативной экономики. В основу инклюзии ложится расширение прав и возможностей человека, что напрямую связывает идею инклюзивности с человеческим развитием.

Один из подходов к пониманию инклюзивного развития представлен, например, в работе Rammelt & Gupta [1]. Этот подход подразумевает комплексное понимание «инклюзивного развития», где термин «инклюзивный» не стоит рассматривать отдельно, тогда концепция инклюзивного развития предполагает трансформацию «развития», как то, что достигается после «экономического роста». Речь идет о качественном преобразовании экономики, связывающем критику экологической экономики роста с неортодоксальной экономической критикой неравного капиталистического накопления [2] и направленным на справедливое и преднамеренное сокращение масштабов чрезмерного потребления, чрезмерного накопления и экспроприации для повышения благосостояния людей, социальной справедливости и здоровья окружающей среды [1].

Многие авторы обращаются к анализу устойчивого развития, в рамках которого возможно достижение инклюзивности. Например, Kurniawan и др. [3] исследуют связь экономического роста с показателями инклюзивного богатства. При этом инклюзивность богатства рассматривается как возможная альтернатива показателю ВВП [4–5], так как он учитывает как биофизические, так и социальные аспекты жизни человека [6]; характеризуется устойчивой взаимосвязью с показателями климатических изменений (например, углеводородными выбросами) [7]. Использование показателей инклюзивности богатства

подчеркивает важную роль природного капитала в обеспечении устойчивости развития. Охватывая человеческий, произведенный и природный капитал, оценка инклюзивности богатства наиболее полным образом отражает потенциал использования капитала с целью повышения благосостояния населения [8].

Мамедов [9], рассматривая инклюзивность в качестве одного из трендов и критериев дальнейшего развития цивилизации, определяет ее как «персонифицированную экономику», то есть экономику, построенную с учетом созидательных особенностей каждого работника. В таком ключе тенденция к инклюзивности возникает во всех сферах жизни общества и обусловлена общественным осознанием ценности жизни и деятельности каждой отдельной личности. В связи с этим, говоря об инклюзивности, выделяют, например, инклюзивность в образовании [10–12]), в экономике [13–15], в туризме [16–19], на рынке труда [20–22] и т. д.

Инклюзивная экономика подразумевает достижение того уровня развития общества, когда для всех групп населения созданы благоприятные условия для жизни, обеспечено высокое качество жизни и равенство возможностей для самореализации.

Инклюзивный экономический рост, в отличие от инклюзивной экономики, определяет не состояние, а движение общества в сторону полной инклюзии и понимается как расширение доступа, прав и возможностей большей части населения в равной степени процветать за счет экономического роста и способствовать ему, что достигается посредством продуктивной занятости и повышения доходов и уровня жизни населения [23].

Инклюзивность экономического роста является логичным развитием теории экономической конвергенции

на фоне усиления позиции и совершенствования концепции устойчивого развития. В связи с тем, что экономические процессы не ограничиваются в своем влиянии только экономическим направлением, а пандемия COVID-19 однозначно затронула все сферы жизни человека, можно предположить, что обращение к инклюзивности экономического роста позволит в большей мере оценить влияние «ковидного кризиса» на российское общество, в целом и на занятость и доходы населения в частности.

В литературе выделяют два основных направления оценки инклюзивности, которые условно можно обозначить как простой и комплексный. К простым методам, в частности, относятся, например, подход Всемирного банка, базирующийся на оценке роста доходов нижних 40 % населения⁴; метод Новой экономической ассоциации (Великобритания), рассчитывающий инклюзивность через изменения реальных медианных доходов домохозяйств⁵.

Более сложный, или «комплексный», метод предполагает использование ряда показателей в одном из трех вариантов.

1. *Анализ совокупности индикаторов (без интегрирования показателей).*

Например, Европейский банк реконструкции и развития в рамках Стратегии экономической инклюзивности рассматривает изменения по целой совокупности индикаторов, в том числе занятость молодежи, уровень

безработицы, теневую занятость и т. д.⁶ Схожий подход имеет место в работе Азиатского банка развития. Оценка инклюзивного роста осуществляется на основе 35 показателей по следующим направлениям: бедность и неравенство; экономический рост и занятость; инфраструктура; доступ к образованию и здравоохранению; доступ к базовой инфраструктуре коммунальных услуг; гендерное равенство; социальная защита населения; управление и институты⁷.

2. *Построение эконометрической модели оценки инклюзивности.*

Например, Anand и др. [24] закладывают в основу модели инклюзивности функцию общественного состояния с учетом таких факторов, как прямые иностранные инвестиции, уровень инфляции, объем инвестиций, открытость торговли, качество инфраструктуры и т. д. Предложенная методология была расширена в работе Munira и Ullah [25], где исследуется также влияние на инклюзивность объема денежной массы, доли денежной массы к ВВП, внутреннего кредита частному сектору. Если в первом случае в качестве самого показателя инклюзивного роста используется распределение доходов, то во втором случае для расчета берется скорректированное на неравенство значение экономического роста. Таким образом, в основе данного направления оценки инклюзивности лежит «простой» подход, предполагающий выбор показателя-идентификатора инклюзивного роста.

⁶ Проект Стратегии экономической инклюзивности (СЭИ) // Европейский банк реконструкции и развития. 2021. URL: <https://www.ebrd.com/documents/policy/economic-inclusion-strategy-russian.pdf>.

⁷ Framework of inclusive growth indicators: key indicators for Asia and the Pacific // Asian Development Bank. 2011. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/739indicators.pdf>.

⁴ Shared Prosperity: Monitoring Inclusive Growth // World Bank. 2021. URL: [Shared Prosperity: Monitoring Inclusive Growth \(worldbank.org\)](https://www.worldbank.org/).

⁵ Addressing economic inequality at root // New Economics Foundation. 2014. URL: [95d3ace05149504890_vcm6iwxrv.pdf](https://www.neweconomics.org/~/media/2014/09/95d3ace05149504890_vcm6iwxrv.pdf) (3cdn.net).

3. Расчет индексов.

Например, Международный центр ПРООН по вопросам политики в целях инклюзивного роста (International Policy Centre for Inclusive Growth) с упором на три сферы: бедность, занятость и неравенство для оценки инклюзивного роста рассчитывает индекс инклюзивности, базирующийся на нормировании показателей по указанным сферам [26].

Более сложную методологию предлагает Фонд Джозефа Роунтри, базирующаяся на динамике 18 показателей (в том числе уровень занятости, количество рабочих мест, ВВП на душу населения и т. д.) – по три индикатора в шести группах (прирост выпуска, занятость, человеческий капитал, рынок труда, стоимость жизни, доходы) [27]. По каждому из показателей выставляется пороговое значение, задаваемое по национальному уровню. Каждый из 18 показателей оценивается относительно порогового значения: если наблюдаемое значение «лучше» порогового (оно может быть выше – например, для занятости, и ниже – для безработицы), данному показателю присваивается 1 балл; в противном случае ставится 0. Затем все баллы суммируются в рамках каждой группы и позднее по всем группам. Впоследствии данные можно нормализовать для проведения сравнений.

Схожая методология задействована для оценки инклюзивности экономик государств – членов Евразийского экономического союза. Рассматриваются 40 показателей по пяти группам: бедность и неравенство; экономический рост и занятость; инфраструктура; образование; продолжительность жизни и здравоохранение. Методология предполагает два дополняющих подхода: оценки инклюзивности экономики и оценки инклюзивности экономического роста.

Оценка инклюзивности экономики по методологии государств – членов Евразийского экономического союза реализуется посредством сравнения каждого показателя с медианным значением стран ОЭСР (лучше медианного значения – «сильно положительная»; в промежуток между медианным и худшим значением ОЭСР – «положительная»; если не достигает худшего значения ОЭСР – «отрицательная»). Если более половины показателей группы «положительные» или «сильно положительные», данная сфера считается инклюзивной. Оценка инклюзивности экономики рассчитывается из числа «инклюзивных» сфер: если значения более половины показателей каждой группы оцениваются как «положительные» или «сильно положительные», то экономика страны признается инклюзивной⁸.

Для оценки инклюзивности экономического роста страны используется аналогичная методика, однако в качестве порогового значения вместо значений ОЭСР берутся значения выбранного базового периода (значение больше базового – «положительная»; равна – «нейтральная»; меньше базового – «отрицательная»). Если в каждой группе более половины показателей – «положительные» и экономика страны также является инклюзивной, тогда такой экономической рост считается инклюзивным⁹.

Таким образом, можно заключить о наличии различных методологических подходов к оценке инклюзивности экономики и экономического роста. Однако представленные методологии в большей степени статичны и/или не могут быть использованы для

⁸ Методика оценки инклюзивности экономик государств – членов Евразийского экономического союза // Коллегия Евразийской экономической комиссии. 2019. URL: Protokol-NTS.pdf (eaeunion.org).

⁹ Там же.

оценки инклюзивности во времени, что затрудняет анализ направления развития последней.

3. Материалы и методы исследования

В статье предлагается «комплексный» подход к анализу инклюзивности экономического роста, позволяющий оценивать данный показатель в динамике. Возможность агрегировать информацию в рамках индекса определила выбор используемой методологии.

Для оценки инклюзивности экономического роста в сферах занятости и доходов населения (на основе изучения существующих методических подходов, с применением экспертной оценки) авторы выделили комплекс индикаторов, включающий 12 основных и 6 дополнительных показателей (табл. 1). На старте апробации методики допускается, что все показатели равнозначны и характеризуются одинаковым уровнем важности для расчета сводного индекса (т. е. имеют одинаковый вес).

Таблица 1. Индикаторы инклюзивного экономического роста по сферам государственной политики поддержки занятости и доходов населения (в соответствии с авторской методикой)

Table 1. Indicators of inclusive economic growth in the area of government policy to support employment and income of the population (in accordance with the author's methodology)

Группа	Показатель	Единица измерения	Труды	Источник
Основные показатели				
Доходы населения	Коэффициент Джинни	–	Fu et al., 2020 [28]; Sharafutdinov et al., 2019 [29]	Официальная статистика (rosstat.gov.ru)
	Доля населения с денежным доходом ниже величины прожиточного минимума	%	Bhuyan et al., 2020 [30]	Официальная статистика (rosstat.gov.ru)
	Денежные доходы в среднем на душу населения	Руб.	Che Sulaiman et al., 2021 [31]; Sharafutdinov et al., 2019 [29]	Официальная статистика (rosstat.gov.ru)
	Соотношение среднедушевых доходов с ВПМ	%	ЕврАзЭС, 2019*	Официальная статистика (rosstat.gov.ru)

* Методика оценки инклюзивности экономик государств – членов Евразийского экономического союза // Коллегия Евразийской экономической комиссии. 2019. URL: Protokol-NTS.pdf (eaeunion.org).

Продолжение табл. 1
Continuation of table 1

Группа	Показатель	Единица измерения	Труды	Источник
Доходы населения	Доля оплаты труда в доходах населения	%	МОТ, 2021**	Официальная статистика (rosstat.gov.ru)
	ВВП на душу населения	Долл. США***	Che Sulaiman et al., 2021 [31]; Sharafutdinov et al., 2019 [29]	ЕМИСС (fedstat.ru)
	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций	Руб.	Beatty C. et al., 2016 [27]; Sharafutdinov et al., 2019 [29]	Официальная статистика (rosstat.gov.ru)
Занятость	Уровень занятости населения (15–72)	%	Carayannis E., Grigoroudis E., 2016 [32]; Fu et al., 2020 [28]; Sharafutdinov et al., 2019 [29]	Государственный комитет Российской Федерации по статистике (rosstat.gov.ru)
	Уровень занятости молодежи (15–24)	%	ЕБРР, 2021****	Статистические издания (rosstat.gov.ru)
	Уровень безработицы	%	Che Sulaiman et al., 2021 [31]	Государственный комитет Российской Федерации по статистике (rosstat.gov.ru)

** В источнике в большей степени объясняется важность повышения уровня оплаты труда для развития экономики в целом и человеческого фактора в частности. Рассматриваются также вопросы поддержки уровня доходов в условиях кризиса, что подчеркивает актуальность включения данного показателя в анализ.

Источник: Неравенство и сфера труда Международная конференция труда 109-я сессия // Международная организация труда. 2021. 84 с. URL: [wcms_792165.pdf](https://www.ilo.org/wcms_792165.pdf) (ilo.org).

*** Во избежание проблем соотношения валют и паритета покупательной способности все денежные показатели следует рассматривать в одной валюте. Однако в связи с тем, что официальная российская статистика представляет данные по ВВП на душу населения в долл. США, в рамках текущего исследования в расчетах используется ВВП на душу населения в долл. США.

**** Проект Стратегии экономической инклюзивности (СЭИ) // Европейский банк реконструкции и развития. 2021. URL: <https://www.ebrd.com/documents/policy/economic-inclusion-strategy-russian.pdf>.

Окончание табл. 1

End of table 1

Группа	Показатель	Единица измерения	Труды	Источник
Занятость	Доля молодежи (15–24), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков	%	Плагонова Е.Д., Мусарский М. М., 2018 [33]	ЕМИСС (fedstat.ru)
	Общее число созданных рабочих мест	Ед.	Beatty C. et al., 2016 [27]	ЕМИСС (fedstat.ru)

Дополнительные показатели

Федеральные меры	Расходы федерального бюджета	Млрд руб.	Whajahet al., 2019 [34]; Amponsah et al., 2021 [35]*****	Budzhет_dlya_grazhdan.pdf (minfin.ru)
	«Социальная политика»	Млрд руб.		
	«Национальная экономика»	Млрд руб.		
Региональные меры	Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ	Млрд руб.		Исполнение расходов субъектов и бюджетные расходы на душу населения (ifinmon.ru)
	«Социальная политика»	Млрд руб.		
	«Национальная экономика»	Млрд руб.		

***** Указанные статьи включают в себя анализ влияния государственных расходов на инклюзивный рост, что подчеркивает обоснованность включения данных показателей в состав сводного индекса.

Основные (объектные) показатели представляют собой индикаторы, ориентированные на конкретную сферу госполитики (в данном случае, занятость или доходы населения). *Дополнительные (исследовательские)* показатели являются специфичными для каждой анализируемой проблемы, а значит, могут быть заменены на альтернативные в случае возникновения необходимости. К числу дополнительных показателей относятся расходы федерального бюджета, а также расходы консолидированных

бюджетов субъектов РФ, в частности по направлениям «Социальная политика» и «Национальная экономика».

В связи с тем, что результат оценки инклюзивности экономики и инклюзивности экономического роста значительно варьирует в зависимости от выбранной методологии, предлагается оценивать инклюзивность не в сравнении с другими странами (например, государствами ОЭСР, БРИКС или ЕврАзЭС), среднемировым или общенациональным показателем, а с характерными значениями рассматриваемой

страны. Тогда вероятность достоверности оценки «инклюзивности» увеличивается благодаря сокращению числа изменчивых факторов, включенных в методологию.

Авторская методика предполагает выделение базового (стартового) периода. Базовый период определяется посредством выделения циклов экономической конъюнктуры с опорой на динамику индекса промышленного производства. Если выделение цикла таким образом представляется затруднительным (или этот цикл выделить невозможно), за основу определения базового периода принимается средне- или долгосрочный период, характеризующийся отсутствием значимых шоков.

По данным базового (стартового) периода рассчитываются среднегодовые темпы прироста (или коэффициенты роста) по всем показателям – индикаторам (например, за 2015–2019 гг.). Опираясь на рассчитанные среднегодовые темпы прироста, на анализируемый год (например, 2020 г.) определяется «трендовое» значение для всех индикаторов, моделирующее состояние экономики в анализируемом году, исходя из выявленной тенденции по стране. Трендовое значение рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{Трендовое значение} = \text{Значение предыдущего года} \times (1 + T_{np}), \quad (1)$$

где T_{np} – это темпы прироста за базовый период.

В этом случае возможно провести сравнительную оценку «трендовых» значений за год (отражающих общую динамику изменений в стране за определенный период) с фактическими значениями, которые указывают на действие шоков, структурных изменений и т. д.

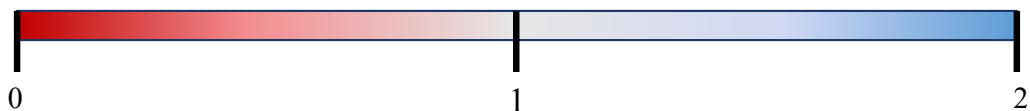
Данная методология направлена на оценку инклюзивности экономического роста за конкретный год. Для

рассмотрения динамики инклюзивности экономического роста за ряд лет, необходимо предложенным методом дать оценку инклюзивности для каждого анализируемого года, что подразумевает и определение для каждого года своего базового периода.

По базовому периоду также рассчитывается величина стандартного отклонения переменных, при этом анализируемый год в расчет не включается. Фактическое значение за год сравнивается с «трендовым», которое выступает в роли пороговой величины. Если наблюдаемое значение «лучше» порогового (оно может быть выше – например, для показателя занятости, и ниже – для показателя безработицы) на одно стандартное отклонение, данному показателю присваивается 1 балл; если более чем на одно стандартное отклонение – 2 балла. Если наблюдаемое значение «хуже» «трендовой» величины, ставится нулевая оценка (0). После выставления баллов по каждому показателю, все баллы за год усредняются.

Предложенный методический подход позволяет оценить динамику изменений в экономике и обществе по сферам занятости и доходов населения с позиции инклюзивности. Так, увеличение относительно прошлого периода полученного среднего значения в сторону 2 характеризует собой преимущественно инклюзивный рост, уменьшение показателя – неинклюзивный. В результате развитие страны и ее экономический рост можно представить в виде движения по шкале инклюзивности (рис. 1).

Важно отметить, что предложенная авторами методика позволяет в большей степени оценить движение государства от неинклюзивного экономического роста к инклюзивному, в частности в интервале от одного экономического цикла к другому. Тогда можно сказать, что

Рис. 1. Авторская шкала инклюзивности экономического роста
Figure 1. Author's scale of inclusiveness of economic growth

предложенная методика является динамической по сути, в отличие, например, от методики ЕврАзЭС. Более того, она может быть использована для анализа инклюзивности и внутри государства (например, в отношении субъектов Российской Федерации) с тем дополнением, что для дальнейших сравнений возможно обращение к среднероссийским показателям в качестве пороговых величин и расчет квадратного коэффициента ковариации для определения расхождения между «лучшими» и «худшими» субъектами РФ/регионами.

Таким образом, авторский методический подход к оценке инклюзивности экономического роста можно представить в виде следующих шагов:

1. Определение базового (стартового) периода.
2. Расчет среднегодовых темпов прироста (коэффициентов роста).
3. Расчет «трендовых» значений за анализируемый год (на базе предшествующего анализируемому году и среднегодовых темпов прироста).
4. Сравнение фактических и «трендовых» значений.
5. Выставление баллов (от 0 до 2) по результатам сравнения фактических и «трендовых» значений.
6. Усреднение баллов за год по всему комплексу показателей.

Несомненным плюсом предлагаемой методики является возможность включения в число дополнительных (исследовательских) индикаторов показателей, отвечающих текущей ситуации (например, антикризисные меры) или поставленной исследовательской

задаче, с целью оценить влияние данных факторов на инклюзивность экономического роста по занятости и доходам населения.

4. Результаты исследования

Вопрос об инклюзивном росте российской экономики развивается в том числе в контексте целевой направленности принимаемых стратегических планов развития страны. В частности, можно отметить Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 г. В связи с тем, что национальные цели развития в рамках данного документа не ограничены какой-либо определенной сферой и затрагивают много разных направлений жизни общества (сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация), выделение и работу над достижением поставленных целей можно рассматривать как движение в сторону инклюзивности.

Принимая во внимание территориальные изменения Российской Федерации 2014 г., использование в качестве инструмента определения базового периода динамики индекса промышленного производства представляется непоказательным. Тогда для оценки инклюзивности экономического роста в 2020 г., опираясь на динамику прироста ВВП как индикатора

изменения экономической активности, в качестве базового периода предлагается использовать временной интервал 2015–2019 гг. Согласно динамике прироста ВВП для расчета трендовых значений за 2018 г. в качестве базового был определен период 2015–2017 гг.; за 2019 г. – 2015–2018 гг., за 2020 г. – 2015–2019 гг. Результаты расчетов представлены в табл. 2.

Исходя из базового периода по каждому показателю было рассчитано стандартное отклонение, что впоследствии позволит оценить силу наблюдаемых изменений. Благодаря расчетам стало возможным сравнить фактические значения с «трендовыми». Результаты данного сравнения представлены в табл. 3.

Полученные оценки позволяют нам расставить оценочные баллы

Таблица 2. Результаты расчета «трендовых» значений показателей инклюзивности экономического роста по занятости и доходам населения в Российской Федерации за 2018–2020 гг.

Table 2. Results of calculation of «trend» values of indicators of inclusiveness of economic growth by employment and income of the population in the Russian Federation for 2018–2020

Показатель	Год					
	2018	2019	2020	2018 (тренд)	2019 (тренд)	2020 (тренд)
Основные показатели						
Коэффициент Джинни	0,413	0,411	0,403	0,4107	0,4133	0,4108
Доля населения с денежным доходом ниже величины прожиточного минимума, %	12,6	12,3	12,1	12,7	12,4	12,1
Денежные доходы в среднем на душу населения, руб.	33 266,0	35 337,6	35 675,8	32 464,3	34 064,7	36 452,5
Соотношение среднедушевых доходов с ВПМ	323,4	324,5	315,4	317,6	326,3	327,1
Доля оплаты труда в доходах, %	57,3	57,6	58,5	55,9	58,5	58,6
ВВП на душу населения, долл. США	28 682	29 189	28 220	26 570	29 962	30 333
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций, руб.	43 724	47 867	51 352	41 046	46 552	51 247
Уровень занятости населения (15–72), %	59,8	59,4	58,4	57,7	58,5	58,3
Уровень занятости молодежи (15–24), %	5,7	5,5	5,3	5,8	5,3	5,2
Уровень безработицы, %	4,8	4,6	5,8	5,1	4,6	4,4

Окончание табл. 2

End of table 2

Показатель	Год					
	2018	2019	2020	2018 (тренд)	2019 (тренд)	2020 (тренд)
Доля молодежи (15–24) не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, %	10,18	10,6	10,9	10,0	9,8	10,3
Общее число созданных рабочих мест, тыс. ед.	2217,8	1975,5	2018,8	2024,5	2107,5	1853,1

Дополнительные показатели

Расходы федерального бюджета	16 808,80	18 489,50	23 756,30	16 490,87	17 149,29	19 150,08
«Социальная политика»	4621,30	4899,10	6917,30	5525,13	4790,59	5101,36
«Национальная экономика»	2464,60	2878,60	3542,80	2212,29	2490,28	2994,12
Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ	11 878,51	13 563,29	15 574,06	18 379,08	12 568,79	14 571,72
«Социальная политика»	2414,74	2685,47	3319,38	2512,37	2721,49	3018,56
«Национальная экономика»	2468,15	2954,22	3191,93	2449,16	2646,98	3238,61

Таблица 3. Результаты сравнения фактических и «трендовых» показателей

Table 3. Results of comparison of actual and «trend» indicators

Показатель	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	Лучше трендового значения	Отклонение больше 1 станд. откл.	Лучше трендового значения	Отклонение больше 1 станд. откл.	Лучше трендового значения	Отклонение больше 1 станд. откл.
Коэффициент Джинни	Нет	Нет	Да	Да	Да	Да
Доля населения с денежным доходом ниже величины прожиточного минимума, %	Да	Нет	Да	Нет	Нет	Нет
Денежные доходы в среднем на душу населения, руб.	Да	Нет	Да	Нет	Нет	Нет

Основные показатели

Коэффициент Джинни	Нет	Нет	Да	Да	Да	Да
Доля населения с денежным доходом ниже величины прожиточного минимума, %	Да	Нет	Да	Нет	Нет	Нет
Денежные доходы в среднем на душу населения, руб.	Да	Нет	Да	Нет	Нет	Нет

Продолжение табл. 3

Continuation of table 3

Показатель	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	Лучше трен- дового зна- чения	Отклонение больше 1 станд. откл.	Лучше трен- дового зна- чения	Отклонение больше 1 станд. откл.	Лучше трен- дового зна- чения	Отклонение больше 1 станд. откл.
Соотношение среднедушевых доходов с ВПМ	Да	Да	Нет	Нет	Нет	Нет
Доля оплаты труда в дохо- дах, %	Да	Да	Нет	Нет	Нет	Нет
ВВП на душу населения, долл. США	Да	Да	Нет	Нет	Нет	Нет
Среднемесячная номинальная начисленная за- работная пла- та работников по полному кру- гу организаций, руб.	Да	Да	Да	Нет	Да	Нет
Уровень заня- тости населе- ния (15–72), %	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Уровень заня- тости молоде- жи (15–24), %	Нет	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Уровень безра- ботицы, %	Да	Да	Да	Нет	Нет	Нет
Доля молодежи (15–24) не учит- ся, не работа- ет и не приобре- тает профессио- нальных навы- ков, %	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Общее чис- ло созданных рабочих мест, тыс. ед.	Да	Нет	Нет	Нет	Да	Нет

Окончание табл. 3

End of table 3

Показатель	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	Лучше трен- дового зна- чения	Отклонение больше 1 станд. откл.	Лучше трен- дового зна- чения	Отклонение больше 1 станд. откл.	Лучше трен- дового зна- чения	Отклонение больше 1 станд. откл.
Дополнительные показатели						
Расходы феде- рального бюд- жета	Да	Нет	Да	Да	Да	Да
«Социальная политика»	Нет	Нет	Да	Нет	Да	Да
«Национальная экономика»	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Расходы консо- лидированных бюджетов субъ- ектов РФ	Нет	Нет	Да	Нет	Да	Нет
«Социальная политика»	Нет	Нет	Нет	Нет	Да	Нет
«Национальная экономика»	Да	Нет	Да	Да	Нет	Нет

по каждому из показателей, включенных в анализ (табл. 4).

Согласно полученным данным, инклюзивность экономического роста по направлениям занятости и доходов населения снизилась в 2020 г. на 0,11 пункта, что отражает комплексное

влияние пандемии COVID-19 на экономику России в целом, на занятость и доходы россиян, в частности. В 2018–2020 гг. имеет место общая тенденция к снижению сводной оценки инклюзивности экономического роста.

Таблица 4. Оценка инклюзивности экономического роста по авторской методике за 2018–2020 гг.

Table 4. Assessment of the inclusiveness of economic growth according to the author's methodology for 2018–2020

Показатель	Год		
	2018	2019	2020
Основные показатели			
Коэффициент Джинни	0	2	2
Доля населения с денежным доходом ниже величины прожиточного минимума, %	1	1	0
Денежные доходы в среднем на душу населения, руб.	1	1	0

Окончание табл. 4

End of table 4

Показатель	Год		
	2018	2019	2020
Соотношение среднедушевых доходов с ВВП	2	0	0
Доля оплаты труда в доходах, %	2	0	0
ВВП на душу населения, долл. США	2	0	0
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций, руб.	2	1	1
Уровень занятости населения (15–72), %	1	1	1
Уровень занятости молодежи (15–24), %	0	1	1
Уровень безработицы, %	2	1	0
Доля молодежи (15–24) не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, %	1	0	0
Общее число созданных рабочих мест, тыс. ед.	1	0	1
Дополнительные показатели			
Расходы федерального бюджета	1	2	2
«Социальная политика»	0	1	2
«Национальная экономика»	2	2	2
Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ	0	1	1
«Социальная политика»	0	0	1
«Национальная экономика»	1	2	0
Оценка инклюзивности экономического роста по направлениям занятости и доходов населения	1,06	0,89	0,78

Из данных табл. 4 видно, что в 2020 г. значительно изменилась структура расходов федерального и консолидированного по субъектам бюджетов, например значительно увеличились расходы на социальную политику, что нехарактерно для 2018–2019 гг. Данные изменения могут отражать введение мер государственной политики по борьбе с «коронакризисом».

Для оценки эффективности мер государственной политики поддержки занятости и доходов населения, представленных дополнительными показателями

расходов федерального и консолидированного по субъектам бюджетов, предлагается рассчитать смоделированный показатель инклюзивности экономического роста за 2020 г. в условиях отсутствия изменения в объемах расходов бюджета.

Данный методологический подход к оценке эффективности мер государственной политики подразумевает расчет моделированной оценки за анализируемый год, где основные показатели рассчитываются описанным ранее методом, а балльная оценка по дополнительным показателям определяется путем

усреднения баллов за предшествующий анализируемому году период (в данном случае – за базовый период).

В таком случае смоделированная оценка инклюзивности экономического роста характеризует изменения в занятости и доходах населения при сохранении уровня расходов федерального и консолидированного по субъектам бюджетов на уровне средних за базовый период

показателей. Принимая во внимание геополитические изменения российского государства в 2014 г. и последующий экономический кризис, усреднение балльных оценок по дополнительным показателям для 2020 г. осуществлялось за период 2018–2019 гг. (с целью определения нормальной, некризисной динамики анализируемых показателей). Результаты оценки представлены в табл. 5.

Таблица 5. Оценка инклюзивности экономического роста в России в 2020 году с учетом введения дополнительных мер государственной политики и без него

Table 5. Assessment of the inclusiveness of economic growth in Russia in 2020, with introduction of additional government measures and without it

Показатель	2020 г. (фактическая оценка)	2020 г. (смоделированная оценка)
Основные показатели		
Коэффициент Джинни	2	2
Доля населения с денежным доходом ниже величины прожиточного минимума, %	0	0
Денежные доходы в среднем на душу населения, руб.	0	0
Соотношение среднедушевых доходов с ВПМ	0	0
Доля оплаты труда в доходах, %	0	0
ВВП на душу населения, долл. США	0	0
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций, руб.	1	1
Уровень занятости населения (15–72), %	1	1
Уровень занятости молодежи (15–24), %	1	1
Уровень безработицы, %	0	0
Доля молодежи (15–24) не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, %	0	0
Общее число созданных рабочих мест, тыс. ед.	1	1
Дополнительные показатели		
Расходы федерального бюджета	2	0,5
«Социальная политика»	2	0,5

Окончание табл. 5

End of table 5

Показатель	2020 г. (фактическая оценка)	2020 г. (смоделированная оценка)
«Национальная экономика»	2	2
Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ	1	0,5
«Социальная политика»	1	0
«Национальная экономика»	0	1,5
Оценка инклюзивности экономического роста по направлениям занятости и доходов населения	0,78	0,62

Динамику инклюзивности экономического роста при реализации государственной социально-экономической политики по направлениям поддержки занятости и доходов населения России за 2018–2020 гг. можно представить на шкале инклюзивности (рис. 2).

Несмотря на отрицательную динамику сводной оценки инклюзивности экономического роста, усиление финансирования государством социальной политики (как на уровне федеральных, так и региональных мер) позволило уменьшить уровень падения инклюзивности. Рассчитанная дельта в 0,16 пункта является полученной оценкой эффективности принятых государственных мер поддержки занятости и доходов населения.

5. Обсуждение

Полученные результаты о снижении в России инклюзивности экономического роста в условиях

«коронакризиса» во многом повторяют результаты исследования Kolawole [36] о влиянии COVID-19 на устойчивое развитие в странах Африки южнее Сахары. Наши результаты сходятся с выводами Gupta и др. [37], согласно которым пандемия COVID-19 послужила катализатором к усилению существующих ранее социально-экономических проблем. Этот тезис подтверждается также рядом исследований английских ученых [38–39].

Тем не менее, в отличие от Gupta и др. [37], утверждающих о низком уровне полезности реализуемых государственных мер с точки зрения их влияния на инклюзивность развития, результаты данного исследования указывают на положительное влияние мер государственной поддержки (в отношении занятости и доходов населения) на инклюзивность экономического роста в России. Важно отметить, что при

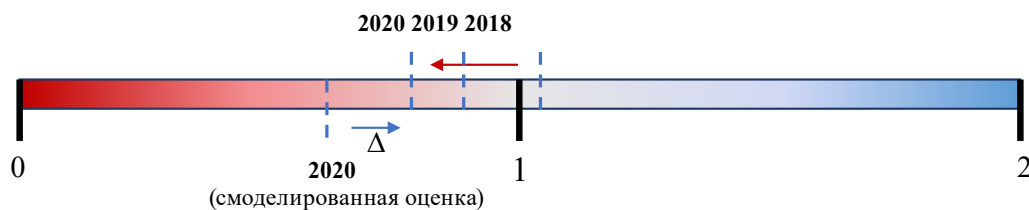

Рис. 2. Динамика оценок инклюзивного роста России за 2018–2020 гг.

Figure 2. Dynamics of Russia's inclusive growth estimates for 2018–2020

рассмотрении всех сфер жизни общества, в том числе экономики в целом, результат может отличаться от полученных значений.

Оценка эффективности мер государственной поддержки поднимает вопрос альтернативных издержек реализации этих мер и подчеркивает необходимость достижения баланса для выхода из кризиса и дальнейшего постковидного развития общества в целом [37, 40]. Этому, в частности, посвящена работа Xiang и др. [40], где на примере экономики Китая показано положительное влияние государственной политики на экономический рост в условиях пандемии при отмечающемся снижении данного положительного эффекта со временем, что подчеркивает важность нахождения нового трансформационного пути развития страны.

Проблемной точкой инклюзивного роста в России в условиях пандемии COVID-19, в соответствии с полученными в ходе исследования оценками (табл. 4), остается падение доходов населения, выраженное прежде всего в отставании среднедушевых денежных доходов, снижении соотношения среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума. Выявленные отрицательные изменения свидетельствуют об ограниченности проводимых мер поддержки, а также о проблеме длительности преобразований [41].

Большинство социальных проблем требуют длительного периода их преодоления, в то время как такие меры поддержки доходов, как «поддержка снизу» (выплаты безработным и т. д.), ориентированные на предотвращение выпадения населения в бедность, не могут способствовать росту эффективности экономики и трудовых доходов населения.

Следует отметить, что авторская методика позволяет определить «узкие

места», тормозящие дальнейшее развитие экономики и общества (в рамках данного исследования – в контексте занятости и доходов населения), что выделяет направления, где сохраняется потребность в государственной поддержке.

Для адаптации предложенной методики к региональному использованию, в связи с ограниченной доступностью ряда статистических показателей по субъектам РФ, необходимо скорректировать список выбранных индикаторов. В качестве типового чернового варианта, можно предложить использование следующих переменных (табл. 6).

Включение показателей в методологию для региональной оценки инклюзивности роста требует дальнейшего изучения, принимая во внимание возможность расширения поля используемых показателей.

В качестве дополнительных показателей, помимо расходов консолидированного по субъектам РФ бюджета, представляется логичным использовать показатели региональных комплексов мер. Комплексы мер, будучи нацеленными прежде всего на восстановление занятости, можно рассматривать как дополнительные действия для нормализации ситуации, снижения напряженности, вызванной кризисом; восстановления рынка труда. Тем не менее, учитывая ориентированность проводимой политики субъектов РФ на 2021 г., оценить эффективность реализованных комплексов мер на текущий момент представляется затруднительным, но формирует запрос на дальнейшее исследование.

6. Заключение

Ввиду высокой неопределенности продолжительности и масштабов пандемии (в период завершения исследования

Таблица 6. Показатели для использования в Методологии при региональной оценке инклюзивности роста

Table 6. Indicators for further application of the Methodology for regional assessment of growth inclusiveness

Группа	Показатель
Доходы населения	Доля населения с денежным доходом ниже величины прожиточного минимума
	Денежные доходы в среднем на душу населения
	ВРП на душу населения
	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций
Занятость населения	Уровень занятости населения (15–72)
	Уровень занятости молодежи (15–24)
	Уровень безработицы
	Доля молодежи (15–24) не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков
	Общее число созданных рабочих мест

была констатирована четвертая волна заболеваемости в России), оценить в полной мере эффективность мер государственной политики не представляется возможным. Однако текущие результаты свидетельствуют о положительном векторе воздействия проводимых в условиях пандемии COVID-19 мер государственной поддержки занятости и доходы населения.

Обращение к разработанной методике динамичной оценки инклюзивности экономического роста позволяет определить вектор оказываемого воздействия мер государственной поддержки на инклюзивность экономического роста в разрезе занятости и доходов населения. Согласно полученным данным, инклюзивность экономического роста по направлениям занятости и доходов населения снизилась в 2020 г. на 0,11 пункта, что отражает комплексное влияние пандемии COVID-19 на экономику России в целом, и на занятость и доходы россиян

в частности. Результаты исследования указывают на относительную эффективность принятых государственных мер поддержки, выраженную в смягчении вызванного пандемией падения инклюзивности экономического роста в 2020 г. Соответственно, на данном этапе можно говорить об инклюзивной направленности используемых мер и их сравнительной эффективности в краткосрочном периоде. Таким образом, поставленные в исследовании гипотезы подтвердились.

Практическая значимость полученных результатов заключается в предложении нового динамического подхода к оценке инклюзивности экономического роста (как в общем, так и по отдельным направлениям), который может использоваться, помимо прочего, в качестве инструмента оценки эффективности проводимой государственной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Rammelt C. F., Gupta J.* Inclusive is not an adjective, it transforms development: A post-growth interpretation of Inclusive Development // *Environmental Science and Policy*. 2021. Vol. 124. Pp. 144–155. DOI: 10.1016/j.envsci.2021.06.012.
2. *Fanning A. L., O'Neill D. W., Büchs M.* Provisioning systems for a good life within planetary boundaries // *Global Environment Change*. 2020. Vol. 64. P. 102135. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2020.102135.
3. *Kurniawan R., Sugiawan Y., Managi S.* Economic growth – environment nexus: An analysis based on natural capital component of inclusive wealth // *Ecological Indicators*. 2021. Vol. 120. P. 106982. DOI: 10.1016/j.ecolind.2020.106982.
4. *Arrow K. J., Dasgupta P., Goulder L. H., Mumford K. J., Oleson K.* Sustainability and the measurement of wealth // *Environment and Development Economics*. 2012. Vol. 17, Issue 3. Pp. 317–353. DOI: 10.1017/S1355770X12000137.
5. *Collins R. D., Selin N. E., de Weck O. L., Clark W. C.* Using inclusive wealth for policy evaluation: Application to electricity infrastructure planning in oil-exporting countries // *Ecological Economics*. 2017. Vol. 133. Pp. 23–34. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2016.11.013.
6. *Fenichel E. P., Abbott J. K., Bayham J., Boone W. et al.* Measuring the value of groundwater and other forms of natural capital // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2016. Vol. 113, Issue 9. Pp. 2382–2387. DOI: 10.1073/pnas.1513779113.
7. *Sugiawan Y., Kurniawan R., Managi S.* Are carbon dioxide emission reductions compatible with sustainable well-being? // *Applied Energy*. 2019. Vol. 242. Pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.apenergy.2019.03.113.
8. *Mumford K. J.* Prosperity, Sustainability and the Measurement of Wealth: Prosperity, Sustainability and the Measurement of Wealth // *Asia and the Pacific Policy Studies*. 2016. Vol. 3, Issue 2. Pp. 226–234. DOI: 10.1002/app5.132.
9. *Мамедов О. Ю.* Экономика инклюзивной цивилизации // *Terra Economicus*. 2017. Т. 15, № 3. С. 6–18. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-6-18.
10. *Раузе М., Ланхам К.* Долгий путь навстречу инклюзии // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Т. 11, № 4. С. 439–456.
11. *Хуснутдинова М. Р.* Основные модели развития инклюзивного образования в Москве // *Образование и наука*. 2018. Т. 20, № 9. С. 115–138. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-9-115-138.
12. *Ахметова Д. З., Артюхина Т. С., Бикбаева М. Р., Сахнова И. А., Сучков М. А., Зайцева Э. А.* Цифровизация и инклюзивное образование: точки соприкосновения // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29, № 2. С. 141–150. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-141-150.
13. *Новиков А. И., Виткина М. К.* Инклюзивная экономика и социальная ответственность в регионах мира: дилемма или общественное согласие // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2018. № 2 (54). С. 5401. [Электронный ресурс] URL: <https://eee-region.ru/article/5401/>.
14. *Курнышева И. Р.* Конкурентоспособность российской экономики: эволюция, структура и перспективы // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2019. № 4. С. 36–53. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10044. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10044.
15. *Halkos G., Moll de Alba J., Todorov T.* Economies' inclusive and green industrial performance: An evidence based proposed index // *Journal of Cleaner Production*. 2021. Vol. 279. P. 123516. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.123516.
16. *López-Guzmán T., Orgaz-Agüera F., Marmolejo Martín J. A., Ribeiro M. A.* The all-inclusive tourism system in Cape Verde islands: The tourists' perspective // *Journal of Hospitality and Tourism Management*. 2016. Vol. 29. Pp. 9–16. DOI: 10.1016/j.jhtm.2016.04.009.

17. Gillovic B., McIntosh A., Cockburn-Wootten Ch., Darcy S. Having a voice in inclusive tourism research // *Annals of Tourism Research*. 2018. Vol. 71. Pp. 54–56. DOI: 10.1016/j.annals.2017.12.011.
18. Tong X., Wang T., Chen Y., Wang Y. Towards an inclusive circular economy: Quantifying the spatial flows of e-waste through the informal sector in China // *Resources, Conservation and Recycling*. 2018. Vol. 135. Pp. 163–171. DOI: 10.1016/j.resconrec.2017.10.039.
19. Землянская Е. В., Дьякова Е. Ю., Спирина Л. В., Стасюк Е. С., Варламова Н. В., Галямова Л. Ш. Анализ возможностей для развития инклюзивного туризма в Томске // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 445. С. 178–181. DOI: 10.17223/15617793/445/26.
20. Мальцев А. А., Мальцева В. А. Инклюзивный экономический рост как способ повышения глобальной производительности (обзор доклада ОЭСР «Связь производительности с инклюзивностью») // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2018. Т. 13, № 4. С. 272–279. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-13.
21. Антонова В. К., Присяжнюк Д. И., Рябиченко Т. А. Креативный эффект, инвестиции и инклюзия как норма жизни: установки hr-менеджеров России в отношении инклюзивного трудоустройства // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19, № 3. С. 373–388. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-3-373-388.
22. Bjørnshagen V., Ugreninov E. Labour market inclusion of young people with mental health problems in Norway // *Alter*. 2021. Vol. 15, Issue 1. Pp. 46–60. DOI: 10.1016/j.alter.2020.06.014.
23. Jeyacheya J., Hampton M. P. Wishful thinking or wise policy? Theorizing tourism-led inclusive growth: Supply chains and host communities // *World Development*. 2020. Vol. 131. P. 104960. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104960.
24. Anand R., Mishra S., Peiris S. J. Inclusive Growth: Measurement and Determinants // IMF Working Paper. WP/13/135. International Monetary Fund, 2013. [Электронный ресурс] URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp13135.pdf>.
25. Munira F., Ullah S. Inclusive Growth in Pakistan: Measurement and Determinants of Inclusive Growth // *The Pakistan Journal of Social Issues*. 2018. Special Issue. Pp. 150–162. [Электронный ресурс] URL: https://uog.edu.pk/downloads/journal/14_Inclusive_Growth_in_Pakistan_Measurement_and_Determinants_150-162.pdf.
26. Ramos R., Ranieri R., Lammens J. Mapping inclusive growth // International Policy Centre for Inclusive Growth. Working Paper No. 105. International Policy Centre for Inclusive Growth, 2013. 55 p. [Электронный ресурс] URL: <https://ipcig.org/pub/IPCWorkingPaper105.pdf>.
27. Beatty C., Crisp R., Gore T. An Inclusive Growth Monitor for Measuring the Relationship Between Poverty and Growth. Joseph Rowntree Foundation, 2016. [Электронный ресурс] URL: https://www4.shu.ac.uk/research/cresr/sites/shu.ac.uk/files/inclusive-growth-monitor-poverty-growth_0.pdf.
28. Fu X., Bao Q., Xie H., Fu X. Diffusion of industrial robotics and inclusive growth: Labour market evidence from cross country data // *Journal of Business Research*. 2020. Vol. 122. Pp. 670–684. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.05.051.
29. Sharafutdinov R. I., Akhmetshin E. M., Polyakova A. G., Gerasimov V. O., Shpakova R. N., Mikhailova M. V. Inclusive growth: A dataset on key and institutional foundations for inclusive development of Russian regions // *Data in Brief*. 2019. Vol. 23. P. 103864. DOI: 10.1016/j.dib.2019.103864.
30. Bhuyan B., Sahoo B. K., Suar D. Nutritional status, poverty, and relative deprivation among socio-economic and gender groups in India: Is the growth inclusive? // *World Development Perspectives*. 2020. Vol. 18. P. 100180. DOI: 10.1016/j.wdp.2020.100180.
31. Che Sulaiman N. F., Ab-Hamid M. F., Ridzuan A. R. Inclusive Growth: Comprehensive Dimension of Income Distribution // *Ekonomika Regiona [Economy of Region]*. 2021. Vol. 17, Issue 1. Pp. 301–317. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-23.
32. Carayannis E., Grigoroudis E. Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness // *Foresight and STI Governance*. 2016. Vol. 10, No. 1. Pp. 31–42. DOI: 10.17323/1995-459x2016.1.31.42.

33. Платонова Е. Д., Мусарский М. М. Всемирное движение за образование для всех как фактор развития мировой экономики // Экономический журнал. 2018. № 3 (51). С. 108–120.
34. Whajah J., Bokpin G. A., Kuttu S. Government size, public debt and inclusive growth in Africa // Research in International Business and Finance. 2019. Vol. 49. Pp. 225–240. DOI: 10.1016/j.ribaf.2019.03.008.
35. Amponsah M., Agbola F. W., Mahmood A. The impact of informality on inclusive growth in Sub-Saharan Africa: Does financial inclusion matter? // Journal of Policy Modeling. 2021. Vol. 43, Issue 6. Pp. 1259–1286. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2021.03.009.
36. Kolawole B. O. Debt, COVID-19 and Inclusive Growth for Sustainable Development in Sub-Saharan Africa // Management and Economics Research Journal. 2021. Vol. 3, No. 2. Pp. 104–134. DOI: 10.48100/merj.2021.161.
37. Gupta J., Bavinck M., Ros-Tonen M., Asubonteng K. et al. COVID-19, poverty and inclusive development // World Development. 2021. Vol. 145. P. 105527. DOI: 10.1016/j.worlddev.2021.105527.
38. White C., Vahé N. Coronavirus (COVID-19) related deaths by ethnic group, England and Wales. Office for National Statistics, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/deaths/articles/coronavirusrelated-deathsbyethnicgroupenglandandwales/2march2020to10april2020>.
39. Moore H., Collins H. Rebuilding the post-Covid-19 economy through an industrial strategy that secures livelihoods // Social Sciences and Humanities Open. 2021. Vol. 3, Issue 1. P. 100113. DOI: 10.1016/j.ssaho.2021.100113.
40. Xiang L., Tang M., Yin Zh., Zheng M. The COVID-19 Pandemic and Economic Growth: Theory and Simulation // Frontiers in Public Health. 2021. Vol. 9. P. 741525. DOI: 10.3389/fpubh.2021.741525.
41. Забелина О. В., Сергеева М. В. Восстановление занятости и доходов населения до допандемического уровня: контент-анализ региональных программ (комплексов мер) // Социально-трудовые исследования. 2021. № 4 (45). С. 41–50. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-41-50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Забелина Ольга Викторовна

Доктор экономических наук, профессор, начальник Лаборатории стратегических исследований социально-трудовых отношений Всероссийского научно-исследовательского института труда Минтруда России, г. Москва, Россия (105064, г. Москва, ул. Земляной вал, 34, стр. 1); ORCID 0000-0001-7723-2852; e-mail: Zabelina_OV@vcot.info.

Сергеева Мария Вячеславовна

Кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Лаборатории стратегических исследований социально-трудовых отношений Всероссийского научно-исследовательского института труда Минтруда России, г. Москва, Россия (105064, г. Москва, ул. Земляной вал, 34, стр. 1); ORCID 0000-0002-2026-325X; e-mail: msergeeva@vcot.info.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Забелина О. В., Сергеева М. В. Оценка инклюзивности экономического роста России по направлениям поддержки занятости и доходов населения // Journal of Applied Economic Research. 2022. Т. 21, № 1. С. 21–48. DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.1.002.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Дата поступления 17 января 2022 г.; дата поступления после рецензирования 15 февраля 2022 г.; дата принятия к печати 10 марта 2022 г.

Inclusive economic growth through employment and income: Experience of the Russian Federation

O. V. Zabelina , M. V. Sergeeva

All-Russian Research Institute of Labor
of the Ministry of Labor and Social Protection of Russia,
Moscow, Russia
 Zabelina_OV@vcot.info

Abstract. The COVID-19 pandemic has affected all areas of society. Among the most tangible consequences of the «coronacrisis» in Russia, one can single out a decrease in the number of employed people and a drop in incomes of the population in 2020. The high speed of the spread of the coronavirus has determined the need for the introduction of prompt measures to combat COVID-19, as well as supportive measures for both the population and businesses. Despite the scale and breadth of the measures of state support implemented in 2020, the question of methods for assessing their effectiveness is acute. The purpose of the study is to assess the inclusiveness of economic growth in the Russian Federation in the context of COVID-19 in the areas of state support for employment and income of the population. The following hypotheses are being tested: 1) the inclusiveness of economic growth in terms of employment and income of the population has decreased in the context of the COVID-19 pandemic; 2) measures of state support for employment and incomes of the population made it possible to mitigate the drop in the value of the inclusiveness of economic growth. A new approach to analyze the effectiveness of public policy measures is suggested, on the basis of the author's dynamic approach to assessing the inclusiveness of economic growth. The proposed methodological approach is being tested for the case of analysis of the effect of state support measures in Russia in the context of the COVID-19 pandemic on employment and incomes of the population. The increase in state welfare funding in 2020 compared to the modeled value made it possible to reduce the level of decline in the inclusiveness of economic growth (by 0.16 points), as a result of which this indicator in the areas of employment and income of the population decreased in 2020 by only 0.11 points. The results indicate relative effectiveness of the support measures adopted by the government that showed in mitigating the pandemic-induced fall in the inclusiveness of economic growth in 2020. The hypotheses under study were confirmed. The practical significance of this study lies in the proposal of a new dynamic approach to assessing the inclusiveness of economic growth, which can be used as a tool for assessing the effectiveness of the state policy pursued both at the federal and regional levels.

Key words: employment; household income; pandemic; COVID-19; support measures; government support; inclusiveness; inclusive economic growth.

JEL O47

References

1. Rammelt, C. F., Gupta, J. (2021). Inclusive is not an adjective, it transforms development: A post-growth interpretation of Inclusive Development. *Environmental Science and Policy*, Vol. 124, 144–155. DOI: 10.1016/j.envsci.2021.06.012.
2. Fanning, A. L., O'Neill, D. W., Büchs, M. (2020). Provisioning systems for a good life within planetary boundaries. *Global Environment Change*, Vol. 64, 102135. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2020.102135.

3. Kurniawan, R., Sugiawan, Y., Managi, S. (2021). Economic growth – environment nexus: An analysis based on natural capital component of inclusive wealth. *Ecological Indicators*, Vol. 120, 106982. DOI: 10.1016/j.ecolind.2020.106982.
4. Arrow, K. J., Dasgupta, P., Goulder, L. H., Mumford, K. J., Oleson, K. (2012). Sustainability and the measurement of wealth. *Environment and Development Economics*, Vol. 17, Issue 3, 317–353. DOI: 10.1017/S1355770X12000137.
5. Collins, R. D., Selin, N. E., de Weck, O. L., Clark, W. C. (2017). Using inclusive wealth for policy evaluation: Application to electricity infrastructure planning in oil-exporting countries. *Ecological Economics*, Vol. 133, 23–34. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2016.11.013.
6. Fenichel E. P., Abbott J. K., Bayham J., Boone W. et al. (2016). Measuring the value of groundwater and other forms of natural capital. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, Vol. 113, Issue 9, 2382–2387. DOI: 10.1073/pnas.1513779113.
7. Sugiawan, Y., Kurniawan, R., Managi, S. (2019). Are carbon dioxide emission reductions compatible with sustainable well-being? *Applied Energy*, Vol. 242, 1–11. DOI: 10.1016/j.apenergy.2019.03.113.
8. Mumford, K. J. (2016). Prosperity, Sustainability and the Measurement of Wealth: Prosperity, Sustainability and the Measurement of Wealth. *Asia and the Pacific Policy Studies*, Vol. 3, Issue 2, 226–234. DOI: 10.1002/app5.132.
9. Mamedov, O. Iu. (2017). Ekonomika inkluzivnoi tsivilizatsii (Economy of inclusive civilization). *Terra Economicus*, Vol. 15, No. 3, 6–18. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-6-18. (In Russ.).
10. Rouse, M., Lapham, K. (2013). Dolgii put navstrechu inkluzii (The long road to inclusion). *Zhurnal issledovaniy sotsialnoi politiki (The Journal of Social Policy Studies)*, Vol. 11, No. 4, 439–456. (In Russ.).
11. Khusnutdinova, M. R. (2018). Osnovnye modeli razvitiia inkluzivnogo obrazovaniia v Moskve (Basic Models for the Development of Inclusive Education in Moscow). *Obrazovanie i nauka [The Education and Science Journal]*, Vol. 20, No. 9, 115–138. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-9-115-138. (In Russ.).
12. Akhmetova, D. Z., Artiukhina, T. S., Bikbaeva, M. R., Sakhnova, I. A., Suchkov, M. A., Zaytseva, E. A. (2020). Tsifrovizatsiia i inkluzivnoe obrazovanie: tochki soprikosnoveniia (Digitalization and Inclusive Education: Common Ground). *Vysshee obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, Vol. 29, No. 2, 141–150. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-141-150. (In Russ.).
13. Novikov, A. I., Vitkina, M. K. (2018). Inkluzivnaia ekonomika i sotsialnaia otvetstvennost' v regionakh mira: dilemma ili obschestvennoe soglasie (Inclusive economy and social responsibility in the regions of the world: dilemma or public consent). *Regionalnaya ekonomika i upravlenie (Regional economics and management)*, No. 2 (54), 5401. Available at: <https://eee-region.ru/article/5401/>. (In Russ.).
14. Kurnysheva, I. R. (2019). Konkurentosposobnost rossiiskoy ekonomiki: evoliutsiia, struktura i perspektivy (Competitiveness of the Russian economy: evolution, structure and prospects). *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk (Bulletin of the IE RAS)*, No. 4, 36–53. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10044. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10044. (In Russ.).
15. Halkos, G., Moll de Alba, J., Todorov, T. (2021). Economies' inclusive and green industrial performance: An evidence based proposed index. *Journal of Cleaner Production*, Vol. 279, 123516. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.123516.
16. López-Guzmán, T., Orgaz-Agüera, F., Marmolejo Martín, J. A., Ribeiro, M. A. (2016). The all-inclusive tourism system in Cape Verde islands: The tourists' perspective. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, Vol. 29, 9–16. DOI: 10.1016/j.jhtm.2016.04.009.
17. Gillovic, B., McIntosh, A., Cockburn-Wootten, Ch., Darey, S. (2018). Having a voice in inclusive tourism research. *Annals of Tourism Research*, Vol. 71, 54–56. DOI: 10.1016/j.annals.2017.12.011.

18. Tong, X., Wang, T., Chen, Y., Wang, Y. (2018). Towards an inclusive circular economy: Quantifying the spatial flows of e-waste through the informal sector in China. *Resources, Conservation and Recycling*, Vol. 135, 163–171. DOI: 10.1016/j.resconrec.2017.10.039.
19. Zemlyanskaya, E. V., Dyakova, E. Iu., Spirina, L. V., Stasiuk, E. S., Varlamova, N. V., Galyamova, L. Sh. (2019). Analiz vozmozhnostei dlia razvitiia inkluzivnogo turizma v Tomске (Analysis of Opportunities for the Development of Inclusive Tourism in Tomsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, No. 445, 178–181. DOI: 10.17223/15617793/445/26. (In Russ.).
20. Maltsev, A. A., Maltseva, V. A. (2018). Inkluzivnyi ekonomicheskii rost kak sposob povysheniia globalnoi proizvoditelnosti (obzor doklada OESR «Sviaz' proizvoditelnosti s inkluzivnostyu») (Inclusive Economic Growth in Enhancing Global Productivity. Review of OECD Report «The Productivity-Inclusiveness Nexus»). *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaia ekonomika (International Organisations Research Journal)*, Vol. 13, No. 4, 272–279. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-13. (In Russ.).
21. Antonova, V. K., Prisiazhniuk, D. I., Riabichenko, T. A. (2021). Kreativnyi effekt, investitsii i inkluziia kak norma zhizni: ustanovki hr-menedzherov Rossii v otnoshenii inkluzivnogo trudoostroistva (Investment and Inclusion as a Norm of Life: Attitudes of Russian HR-managers To Inclusive Employment). *Zhurnal issledovaniia sotsialnoi politiki (The Journal of Social Policy Studies)*, Vol. 19, No. 3, 373–388. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-3-373-388. (In Russ.).
22. Bjørnshagen, V., Ugreninov, E. (2021). Labour market inclusion of young people with mental health problems in Norway. *Alter*, Vol. 15, Issue 1, 46–60. DOI: 10.1016/j.alter.2020.06.014.
23. Jeyacheya, J., Hampton, M. P. (2020). Wishful thinking or wise policy? Theorizing tourism-led inclusive growth: Supply chains and host communities. *World Development*, Vol. 131, 104960. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104960.
24. Anand, R., Mishra, S., Peiris, S. J. (2013) Inclusive Growth: Measurement and Determinants. *IMF Working Paper*. WP/13/135. International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp13135.pdf>.
25. Munira, F., Ullah, S. (2018). Inclusive Growth in Pakistan: Measurement and Determinants of Inclusive Growth. *The Pakistan Journal of Social Issues*, Special Issue, 150–162. Available at: https://uog.edu.pk/downloads/journal/14_Inclusive_Growth_in_Pakistan_Measurement_and_Determinants_150-162.pdf.
26. Ramos, R., Ranieri, R., Lammens, J. (2013). Mapping inclusive growth. *International Policy Centre for Inclusive Growth*. Working Paper No. 105. International Policy Centre for Inclusive Growth, 55 p. Available at: <https://ipcig.org/pub/IPCWorkingPaper105.pdf>.
27. Beatty, C., Crisp, R., Gore, T. (2016). *An Inclusive Growth Monitor for Measuring the Relationship Between Poverty and Growth*. Joseph Rowntree Foundation. Available at: https://www4.shu.ac.uk/research/cresr/sites/shu.ac.uk/files/inclusive-growth-monitor-poverty-growth_0.pdf.
28. Fu, X., Bao, Q., Xie, H., Fu, X. (2020). Diffusion of industrial robotics and inclusive growth: Labour market evidence from cross country data. *Journal of Business Research*, Vol. 122, 670–684. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.05.051.
29. Sharafutdinov, R. I., Akhmetshin, E. M., Polyakova, A. G., Gerasimov, V. O., Shpakova, R. N., Mikhailova, M. V. (2019). Inclusive growth: A dataset on key and institutional foundations for inclusive development of Russian regions. *Data in Brief*, Vol. 23, 103864. DOI: 10.1016/j.dib.2019.103864.
30. Bhuyan, B., Sahoo, B. K., Suar, D. (2020). Nutritional status, poverty, and relative deprivation among socio-economic and gender groups in India: Is the growth inclusive? *World Development Perspectives*, Vol. 18, 100180. DOI: 10.1016/j.wdp.2020.100180.
31. Che Sulaiman, N. F., Ab-Hamid, M. F., Ridzuan, A. R. (2021). Inclusive Growth: Comprehensive Dimension of Income Distribution. *Ekonomika Regiona [Economy of Region]*, Vol. 17, Issue 1, 301–317. DOI: 10.17059/ekon. reg.2021-1-23.

32. Carayannis, E., Grigoroudis, E. (2016). Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness. *Foresight and STI Governance*, Vol. 10, No. 1, 31–42. DOI: 10.17323/1995–459x2016.1.31.42.
33. Platonova, E. D., Musarsky, M. M. (2018). Vsemirnoe dvizhenie za obrazovanie dlia vsekh kak faktor razvitiia mirovoi ekonomiki (The Worldwide Movement for Education for All as a Factor of the Development of the World Economy). *Ekonomicheskii zhurnal (Russian Economic Journal)*, No. 3 (51), 108–120. (In Russ.).
34. Whajah, J., Bokpin, G. A., Kuttu, S. (2019). Government size, public debt and inclusive growth in Africa. *Research in International Business and Finance*, Vol. 49, 225–240. DOI: 10.1016/j.ribaf.2019.03.008.
35. Amponsah, M., Agbola, F. W., Mahmood, A. (2021). The impact of informality on inclusive growth in Sub-Saharan Africa: Does financial inclusion matter? *Journal of Policy Modeling*, Vol. 43, Issue 6, 1259–1286. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2021.03.009.
36. Kolawole, B. O. (2021). Debt, COVID-19 and Inclusive Growth for Sustainable Development in Sub-Saharan Africa. *Management and Economics Research Journal*, Vol. 3, No. 2, 104–134. DOI: 10.48100/merj.2021.161.
37. Gupta, J., Bavinck, M., Ros-Tonen, M., Asubonteng, K. et al. (2021). COVID-19, poverty and inclusive development. *World Development*, Vol. 145, 105527. DOI: 10.1016/j.worlddev.2021.105527.
38. White, C., Vahé, N. (2020). *Coronavirus (COVID-19) related deaths by ethnic group, England and Wales*. Office for National Statistics. Available at: <https://www.ons.gov.uk/people-populationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/deaths/articles/coronavirusrelateddeaths-byethnicgroupenglandandwales/2march2020to10april2020>.
39. Moore, H., Collins, H. (2021). Rebuilding the post-Covid-19 economy through an industrial strategy that secures livelihoods. *Social Sciences and Humanities Open*, Vol. 3, Issue 1, 100113. DOI: 10.1016/j.ssaho.2021.100113.
40. Xiang, L., Tang, M., Yin, Zh., Zheng, M. (2021). The COVID-19 Pandemic and Economic Growth: Theory and Simulation. *Frontiers in Public Health*, Vol. 9, 741525. DOI: 10.3389/fpubh.2021.741525.
41. Zabelina, O. V., Sergeeva, M. V. (2021). Vosstanovlenie zaniatosti i dokhodov nasele-niia do dopandemicheskogo urovnia: kontent-analiz regional'nykh programm (kompleksov mer) (Restoring employment and incomes of the population to the pre-pandemic level: content analysis of regional programs (packages of measures)). *Sotsialno-trudovye issledovani-ia (Social and Labour Research)*, No. 4 (45), 41–50. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-41-50. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zabelina Olga Victorovna

Doctor of Economics, Professor, Head of the Laboratory for Strategic Studies of Social and Labor Relations, All-Russian Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of Russia, Moscow, Russia (105064, Moscow, Zemlyanoi Val street, 34, str. 1); ORCID 0000-0001-7723-2852; e-mail: Zabelina_OV@vcot.info.

Sergeeva Maria Vyacheslavovna

Candidate of Economic Sciences, Junior Researcher, Laboratory for Strategic Studies of Social and Labor Relations, All-Russian Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of Russia, Moscow, Russia (105064, Moscow, Zemlyanoi Val street, 34, str. 1); ORCID 0000-0002-2026-325X; e-mail: msergeeva@vcot.info.

FOR CITATION

Zabelina O. V., Sergeeva M. V. Inclusive economic growth through employment and income: Experience of the Russian Federation. *Journal of Applied Economic Research*, 2022, Vol. 21, No. 1, 21–48. DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.1.002.

ARTICLE INFO

Received January 17, 2022; Revised February 15, 2022; Accepted March 10, 2022.

